

Безусловно, было бы большой ошибкой полностью отождествлять речь литературных героев с речью реальных носителей языка соответствующей эпохи. Однако при изучении творческого наследия писателей-классиков, подлинных мастеров слова, можно выявить специфику речи определенных слоев общества. Рассмотренные нами типичные особенности речи героев ряда произведений Н.С.Лескова позволяют глубже понять языковую ситуацию, сложившуюся во второй половине XIX в., основной особенностью которой была тенденция к расширению границ литературного языка за счет широкого потока «заимствований из различных языков, слов из народных говоров, социальных диалектов, профессиональных лексиконов, мещанского и крестьянского просторечия» [9, с. 146].

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.
2. Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
3. Орлов А.С. Язык Лескова // Язык русских писателей. М.-Л., 1948.
4. Фаресов А.И. Н.С.Лесков о языке своих произведений. Лит. приложение к ж. «Нива». 1897. № 10.
5. Русские писатели о литературном труде. М., 1955, т.3.
6. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
7. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. М., 1964.
8. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М., 1981.
9. Шкляревский Г.И. История русского литературного языка (вторая половина XVIII-XIX века). Харьков, 1967.

Н.Г.Архипова

НАИМЕНОВАНИЯ ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДЫ В ГОВОРАХ СТАРООБРЯДЦЕВ (СЕМЕЙСКИХ) АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Население Амурской области сложилось в результате сложных миграционных движений из разных мест России (Сибири, Забайкалья, южно- и севернорусских губерний), Украины, Беларуси, Польши и др. Это обстоятельство нашло отражение в языке и материальной культуре жителей региона, в частности, сказалось на специфике костюма.

Тематическая группа слов – наименований одежды – представляет значительный интерес в связи с системным изучением диалектной лексики и исследованием соотношения языкового материала с региональными особенностями материальной культуры.

Лексика русских говоров Приамурья включает наименования элементов костюма, характерного для южнорусских, севернорусских и среднерусских территорий. Так, можно говорить, что в Приамурье бытовал общерусский (по происхождению севернорусский) комплекс женской одежды с сарафаном (*круглым, москвичом, дабинником* и др.), длинной рубахой (*станушкой, рукавами*), сложным кичкообразным головным убором (*кичкой*). Зафиксированы наименования женского костюма, типичного для средней полосы и западных районов России: *андарак, клиник, подбор*. Наименования *понёва (понява), кошуля, сорока, запон* встречаются в речи потомков переселенцев из южных губерний России, а также Украины и Беларуси. Вместе с тем, на территории Амурской области зафиксированы локальные комплексы одежды, отличающиеся значительным своеобразием. Так, синтез общерусского и южнорусского типов одежды породил яркий, колоритный, построенный на контрастных сочетаниях цветов костюм старообрядцев (семейских) с сарафаном различных типов (*горбачем, поморником, круглым, московским*), нательной рубахой (*станушкой, становиной, рукавами*), сложным головным убором с несколькими платками, повязанными особым образом, запоном, украшениями из янтаря, разнообразных дутых бус, бисера, гаруса, гусиных перьев.

Задача статьи – описать наименования натальной рубахи в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области как элемента традиционного комплекса женской одежды конца XIX – середины XX вв.

Наименования одежды в говорах семейских Амурской области ранее не являлись предметом лингвистического описания и практически не представлялись в региональных лексикографических источниках [см., напр., 1, 2]. В 2003-2007 гг. были совершены фольклорно-диалектологические экспедиции в некоторые старообрядческие села Архаринского, Свободненского и Белогорского районов Амурской области: Грибовку, Заган, Желтоярово, Новоандреевку, Ключи, Никольское. В конце XI – начале XX вв. все они были основаны старообрядцами – переселенцами из Забайкалья. В ходе экспедиций собран значительный диалектный материал, представляющий наименования мужской и женской одежды и украшений (более 150 лексем), в том числе и женских натальных рубах (более 20 лексем).

История наиболее ярких старообрядческих групп Забайкалья изучена достаточно хорошо. Их переселение на Восток происходило в 60-е гг. XVIII в., когда по указам Екатерины II произошла вторая «раскольничья выгонка» из Ветки (1764 г.) и, по некоторым предположениям, из Стародубья. Общее число возвращенных в Российскую Империю беглых, по отдельным данным, достигало 20–40 тысяч человек, называвших местом своего прежнего жительства Московскую, Новгородскую, Смоленскую, Воронежскую, Нижегородскую, Архангельскую губернии. Одна часть «польских выведенцев» попала в Забайкалье, другая была размещена на Алтае [3, с. 12-25]. Как писали «Иркутские епархиальные ведомости», «семейские в Забайкалье – староверы из Дорогобужа и Гомеля, сосланные при Анне Иоанновне и Екатерине в 1767 г. в количестве 40 000 человек» [4, с. 15].

Одна из таких компактных групп старообрядцев впоследствии переселилась в Амурскую область. «Старообрядцы... сумели лучше других локальных конфессиональных образований приспособиться к местным природно-климатическим условиям и оказать существенное влияние на успешность хозяйственного освоения восточной окраины России» [5, с. 3].

Переселение старообрядцев в Амурскую область началось в 60-е гг. XIX в. при поддержке царского правительства с целью быстрого освоения восточных территорий Российской Империи. В 70-е гг. XIX в. по приглашению губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьева-Амурского старообрядцы переселялись в Приамурье и Приморье для обслуживания почтовых трактов между Сибирью и Камчаткой. После установления морского сообщения с Камчаткой торговые сообщения были закрыты. Часть крестьян вернулась на прежнюю территорию проживания, другая осталась на Дальнем Востоке. Старообрядцы селились отдельными деревнями, преимущественно вдоль рек Зеи, Буреи, Белой и Томи. Первыми поселенцами стали семейские, прибывшие из близлежащего Забайкалья, хотя исконным местом жительства старообрядцев, заселявших Амурскую область, являлось не только оно, но и Енисейская, Пермская, Саратовская и Томская губернии [6, с. 1-9].

В литературе старообрядчество Амурской области обычно именуется только как «семейщина». Под семейских подводятся разнообразные согласия (как поповского, так и беспоповского толков), существовавшие в Амурской области к моменту завершения освоения старообрядцами Дальневосточных территорий. По архивным источникам и воспоминаниям потомков первых старообрядцев, большинство староверов, переселившихся в Амурскую область из Забайкалья, принадлежало к поповскому толку (выходцы из сел Тарбагатай, Куналей, Бичура, Новая Брянь, Никольское, Архангельское, Андреевка и др.). Некоторые информанты называют себя беглопоповцами, так как еще в Забайкалье из-за нехватки собственных священников их прадеды приглашали попов, желающих перейти из никонианской веры в старообрядческую. Полевые исследования свидетельствуют о достаточно пестрой картине в среде амурского старообрядчества. Так, из Забайкалья и Сибири, помимо семейских, переселялись австрийцы, нырки, средники, самокрестцы, поморцы, песочники, кержаки; из Пермской губернии – единоверцы и беспоповцы; из Саратовской губернии – дырники и темновые. В настоящее время потомки первых старообрядцев отождествляют себя только с семей-

скими, не обнаруживая знаний о значительной разнице в религиозной культуре их предков, но противопоставляя себя «никонианцам», что говорит об этноконфессиональной общности амурского старообрядчества. Однако анализ лексики говоров семейских не позволяет рассматривать их материальную культуру как целостное явление, что обнаруживается при анализе лексико-семантических групп поля «Быт», в частности, наименований одежды.

Сопоставление наименований одежды в говорах семейских Амурской области с данными говоров европейской России, Сибири и Забайкалья позволяет выявить региональную специфику этой группы лексики и ее место в общем лексическом фонде русских говоров. Ареальное сравнительно-сопоставительное исследование дает возможность изучить внутренние и внешние миграции старообрядческого населения, особенности бытового взаимодействия с представителями других этнических групп, отражение религиозного мировоззрения в некоторых наименованиях одежды и др. Подобный подход связан с рассмотрением процессов языковой интеграции между говорами, сформировавшимися на территориях позднего славянского освоения, а также изучением тенденций культурного взаимодействия различных в этнографическом отношении групп русского населения.

Одежда семейских всегда обрисовывалась как добротная и яркая. Декабрист И.Д.Якушкин оставил воспоминания о старообрядческом забайкальском селе Тарбагатай, где, в частности, описал праздничную одежду семейских: «Жители староверческого этого селения вышли к нам навстречу в праздничных своих нарядах. Мужчины были в синих кафтанах и женщины в шелковых сарафанах и кокошниках, шитых золотом. Это были уже не сибиряки, а похожие на подмосковных и ярославских поселян» (датировано сентябрем 1830 г.) [7, с. 1613-1614]. «Одежда женщин старинная: сарафан всегда ярких цветов и кичка, повязанная платком в виде чалмы», – так писал о старообрядках И.Г.Прыжов, посетивший семейские села в 70-е гг. XIX в. [8, с. 351]. Семейские женщины «общительны, щеголеваты и красивы», – вспоминал М.Н.Галкин-Враской в 1882 г. [9, с. 188].

Семейские рассматривали красоту как соединение духовного и физического здоровья. «Семейская женщина работяща, а потому и нравственна и нисколько не развращена, как сибирячка. Она благородна и горда... Песня и пляска старинные, каких, пожалуй, не сыщешь теперь и на Руси. Она необыкновенно деятельна, оттого и хозяйство у нее идет отлично, косит траву не хуже мужчины. Опираясь на свою женщину, домовитую, энергичную, деятельную и дома, и в поле, и в торговле, семейские производят громадное количество хлеба» [8, с. 351]. Здоровье женщины ассоциировалось с дородной фигурой, полнокровным румяным лицом, что подчеркивалось и костюмом семейских женщин: объемные сборчатые рубахи, «борчатые» сарафаны, запоны, двойные пояса, сложные головные уборы с шашмурой, кичкой и несколькими головными платками, шальями или полушалками, скрепленными под подбородком булавками или сложно обернутыми вокруг головы. Костюм отличался яркостью, красочностью, что обнаруживалось в подборе тканей, обилии украшений, прежде всего у девушек и молодых женщин. Пожилые старообрядки носили более строгие уборы, что свидетельствует о присутствии у крестьян чувстве меры и вкуса.

В старообрядческих селах Амурской области традиции старины сохранялись достаточно долго: пожилые жители помнят, что хранилось в сундуках их матерей и бабушек, какую одежду те носили. По воспоминаниям информантов, еще до середины 50-х гг. XX в. основой традиционного комплекса женской одежды у семейских женщин был *сарафан*. Повседневно крестьянки носили *домовники*, *дубасы (дубасики)*, *поморники*, *горбуны*, сшитые из ситца, реже изо льна. Сарафаны могли именоваться по типу использованной при шитье ткани: *дабинники*, *ситники*, *атласники*. Рубаха обычно шилась составной из двух частей: *рукавов (чехлика)* и *стана*. Она подпоясывалась тонким домотканым пояском, поверх сарафана тоже завязывался пояс, но более широкий и яркий. Сверху надевался фартук – *запон*. Старообрядки очень любили украшения, особенно янтарные бусы.

В Амурской области сохранились единичные села (напр., с. Грибовка Архаринского района), где до сих пор в молельню идут в одежде, сшитой по старинным образцам, а в повседневной жизни замужние женщины под платок надевают *шашмуру*, носят нательный пояс

и *станушку* с глухим воротом и длинными рукавами, а мужчины одеваются в косоворотки, шаровары, подпоясываются, не стригут бород и носят картузы.

В семейских селах женщины практически не занимались ткачеством. Ткани, используемые для изготовления одежды, в конце XIX – начале XX вв. были в основном покупными: *гарнитур (гродетур)*, *далимба*, *бурс*, *даба*, *камка*, *мелестин (молескин)*, *камлота*, *канфа*, *канча*, *коленкор*, *нанка*, *шалон*, *репс (рипис)*. Одни виды ткани доставлялись из Китая как продукт обмена (*даба*, *канфа*, *канча*), другие вырабатывались на отечественных фабриках (*бурс*, *камка*, *камлота*, *коленкор*). Относительная дешевизна китайских тканей и развитие отечественного текстильного производства способствовали раннему переходу к покупным тканям при изготовлении одежды.

Кросны (ткацкий станок) обычно использовались для изготовления грубой ткани из конопля (*дерюги*) для портянок (*онуч*), рабочей одежды, половиков. На кроснах ткали шерстяные пояса, которые могли быть *повседневными*, *именными*, *крестильными*, *смертными*.

Было зафиксировано около двадцати наименований женской рубахи, надеваемой под сарафан, а позднее носимой с юбкой: *становина (станушка, становинка, стануха)*, *рукава (рукавки, рукавчики)*, *пропускнушка (пропускнуха, пропускнушечка)*, *полячка*, *польская (поляцкая) рубашка*, *польская сорочка*, *польские рукава*, *боренная рубаха*, *кулёма (кулёмка, кулёмочка, кулемуха)*, *приставка (приставина, приставинка)*.

Самыми употребительными в говоре оказались лексемы *станушка* и *рукава*, которые часто выступают как синонимы при обозначении любых рубах, надеваемых под сарафан.

Станушкой (или *рукавами*) именовался древний тип туникообразной рубахи, сшитой обычно из двух половин: верхней части (*рукавов*, *рукавчиков*), горловина которой обшивалась тонкой, сложенной пополам полоской ткани – *ошейником (шейкой)*. В этом значении *станушка* и *рукава* выступают полными синонимами лексеме *пропускнушка*. Несмотря на название, *пропускнушка* шилась из двух половин: верхней и нижней. Так же *рукава* и *станушка* могут обозначать верхнюю и нижнюю часть рубахи соответственно.

Погребальные женские рубахи обычно именовались *становинами*. Они шились из белой хлопчатобумажной ткани (покупной, но постиранной перед шитьем), состояли из цельного стана и рукавов, могли иметь воротник-*ошейник* или шились *голошейкой* (без воротника). Наименования погребальной рубахи, включенные в контекст обряда, приобретали символическую семантику, которая актуализируется в ситуативных употреблениях слова и является отражением символического значения самого предмета: *Будет время становину надевать* (с. Заган), *Всем становина своя достанется* (с. Ключи), *От домовины да становины не ускачешь* (с. Заган), *Всем становину надевать* (с. Новоандреевка). Отметим, что погребальные рубахи шились из цельного полотна и не имели боковых вставок, что указывает на ранний отказ старообрядцев от домашнего ткачества (изготовленная на кроснах ткань более узкая, чем фабричная).

Рубахи, сшитые из двух половин, у старообрядцев фиксируются повсеместно. Так, например, Т.А.Агафонова отмечает, что у русских липован, проживающих в южной части дельты Дуная, наряду с цельнокроеными рубахами, носили рубахи с поперечным швом, делившим стан на две части: верхнюю (*чехлик*) и нижнюю (*станушка*) [10, с. 1]. Е.И.Яскеляйнен, описывая народный костюм старообрядцев Кемского Поморья, указывает, что у поморок женская рубаха составлялась из двух частей, соединенных поперечным швом чуть выше линии пояса. Нижняя часть рубахи (*стан*) меньше изнашивалась, поэтому с ней могли использовать несколько верхних частей (*рукавов*), заменяя их одну за другой по мере старения [11, с. 12].

Полячками и *боренными рубахами* именовались поликовые рубахи, которые носили с лямочными сарафанами. В плечи поликовой рубахи вшивались продолговатые лоскуты (*полики*). Такие рубахи всегда составлялись из верхней части (*рукавов* – сс. Заган, Грибовка, Новоандреевка или *чехлика* – с. Заган) и нижней (*стана*, *станушки*). В этом значении наименование верхней части рубахи (*рукава*) употребляется во всех обследованных старообрядческих селах, а слово *чехлик* зафиксировано только в с. Заган Свободненского района, заселенного в начале XX в. переселенцами из с. Новый Заган Забайкалья.

Кулёмой (*кулёмкой, кулёмочкой, кулемухой*) называлась боренная рубаха с широкими рукавами (*кулями*), сшитыми из двух полотнищ. Такие рукава были короче, чем у *станушек*, имеющих прямые рукава. По вороту и плечам *кулёмы* делалась яркая вышивка обычно красного цвета.

В синонимичном значении употребляются наименования *польская сорочка, польская (поляцкая) рубашка, польские (поляцкие) рукава*. В отличие от других типов женских рубах, эти рубашки имели широкие короткие рукава, едва прикрывавшие локоть или доходившие до середины предплечья. По воспоминаниям информантов, такие рубашки рано вышли из употребления, так как не подходили к суровым условиям Дальневосточного края: *Я только раз видала поляцкие рукава. Едва локоть прикрывали. У нас почти не носили такие поляцкие рубашки. Слепни, комары, да и холодно* (Новоандреевка, 2006).

Еще одним наименованием женской рубахи является *приставка*, шившаяся с *перелинкой* – кокеткой и обязательно состоявшая из двух частей – верхней и нижней. Можно предположить, что название рубаха получила потому, что при носке составных рубах верхнюю, быстрее изнашиваемую часть, можно было менять быстрее, чем нижнюю и к *стану* «приставлять» *рукава*.

Зафиксированные в говорах семейских Амурской области наименования женской рубахи распространены в русских говорах различных типов, но, главным образом, севернорусских (северо-восточных, новгородских, пермских), а также во многих говорах вторичного образования. Так, в Словаре В.И. Даля *становина* имеет помету «пермское», *станушка* – «новгородское». В Словаре говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья представлены дефиниции лексем *станушка, станина, стануха* в значениях 1. «Женская нижняя рубаха с пришитой к ней юбкой»; 2. «Юбка, пришиваемая к женской нижней рубахе». В Словаре областного архангельского наречия слово *рукава* употребляется в значении «женская, вроде обтяжной кофты одежда». Словарь русских говоров Приамурья более чем из двадцати, зафиксированных нами лексем – наименований женской рубахи, надеваемой под сарафан, отмечает только три: *становина, становинка, станушка*. Эти лексемы известны жителям сел Черняево Магдагачинского р-на, Албазино Сковородинского р-на, Поярково Михайловского р-на. Все села были основаны казаками, переселявшимися в середине XIX в. в Амурскую область из Забайкалья – прежнего места жительства амурских старообрядцев. Возможно, наименования женских рубах с корнем *стан-* появились в говоре семейских под влиянием старожильческих говоров Забайкалья, имеющих севернорусскую основу, или к тому времени данные лексемы уже стали общерусскими. Интересны в этом отношении наблюдения Т.Шарабариной, которая отмечает лексему *становина*, говоря о наименовании элемента фартука-нарукавников у кержачек Восточного Казахстана: «Если фартук предохранял от загрязнения только переднюю часть юбки, то нарукавники берегли все платье целиком. Они состояли из «становины» – собственно передника, к которой пришивалась кокетка с длинными рукавами...» [12, с. 23].

Таким образом, семантика языковых единиц со значением «женская нательная рубаха» в говорах амурских старообрядцев представляет собой сложное явление, отражающее лингвистические закономерности, свойственные говорам переходного типа в целом, и экстралингвистические факты, связанные с особенностями материальной и духовной культуры носителей диалекта. Так, большинство наименований рубахи зафиксировано в севернорусских материнских говорах, что, возможно, явилось следствием длительного контакта старообрядцев со старожилым населением Забайкалья, говоры которого сформировались преимущественно на севернорусской основе, и тем, что отдельные группы староверов до пребывания на Ветке и в Стародубье были выходцами из севернорусских губерний России. Наличие широкого синонимического ряда наименований рубах говорит об исконной неоднородности самих старообрядческих говоров Амурской области, сформировавшихся на разной основе, а развитие многозначности у слов свидетельствует о живых процессах, происходящих в говорах семейских.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь русских говоров Приамурья / Сост. Ф.П.Иванова, Л.В.Кирпикова и др. М.: «Наука», 1983.
2. Словарная картотека Г.С.Новикова-Даурского / Под ред. Л.В.Кирпиковой. Благовещенск, 2003.
3. Погодные ведомости состояния и учета сектантов в Амурской области. 1900-1902 гг. Благовещенск, 1903.
4. Иркутские епархиальные ведомости, 1878, № 38.
5. Аргудяева Ю.В. Старообрядчество на Дальнем Востоке России. М., 2000.
6. Реестр учета сектантов и иноверцев Амурской области. Благовещенск, 1910.
7. Якушкин И.Д. Из записок декабриста Якушкина // Русский архив. 1870, № 1-19. С. 1566-1633.
8. Прыжов И.Г. Очерки. Статьи. Письма. М.-Л.: АCADEMIA, 1937. С. 323-352.
9. Галкин-Враской М.Н. Поездка в Сибирь и на остров Сахалин в 1881-1882 годах // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. СПб., 1901, № 1. С. 147-196.
10. Агафонова Т.А. Традиционная одежда липован южного Подунавья // starover.kiev.ua/history.php?article=5/ 04.03.2007.
11. Яскеляйнен Е.И. Народный костюм русских Кемского Поморья XIX в. // Кижский вестник. Сборник статей / Под ред. И.В. Мельникова. – Петрозаводск, 2003, № 8.
12. Шарабарина Т. Крестьянский костюм – одежда не простая... // Октябрь, 2002, № 10.

В.П.Васильев, Э.В.Васильева

БАЗОВЫЙ КОНЦЕПТ КАК ЭЛЕМЕНТ КОГНИТИВНО-ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЛАСТНОГО СЛОВАРЯ

Современный этап в становлении когнитивизма являет собой основу «интегральной» парадигмы знания в лингвистике. Такой поход осуществляется как при анализе литературного языка, так и при анализе диалектов. В когнитивизме усматривается новый источник для совершенствования диалектографии, для создания словарей нового типа. Эта возможность открывается на пути сопряжения тезаурусной разработки лексики и энциклопедического описания её элементов, что находит своё выражение в «Сибирском метеорологическом словаре», который, будучи недифференциальным сводным синхроническим аспектным словарём, развивает традиции идеографической диалектографии [1; 2] в плане обогащения её концептуальной теорией [3, 4, 5, 6, 7].

Фактологической основой словаря служат архивные материалы и картотека (до миллиона единиц) говоров Кемеровской области, а также лексикографические издания и научные публикации, выполненные на материале русских говоров Сибири (свыше 70 источников).

В данной работе представлены когнитивные принципы словаря, а также опыт описания одного из базовых концептов, манифестируемого общерусским словом *дождь* [8]. Полисистемный характер бытования слова не препятствует воссозданию его концепта, ибо говоры, различаясь на языковом уровне, с точки зрения народного мировидения обнаруживают содержательное единство на речевом уровне [9, с. 20], проявляя тем самым единое «знаниевое» пространство макротерритории. Когнитивные задачи Словаря заключаются прежде всего в том, чтобы представить знания о метеорологических явлениях, которые стоят за базовыми словами и составляют их концепты.

Слово *дождь* является элементом лексической группы «атмосферные осадки», которая представляет собой иерархическую сеть, содержащую три уровня построения: супербазовый (*атмосферные осадки*), базовый (*дождь, снег* и др.) и суббазовый (красн. *емжá* 'мелкий дождь', амур. *тучный дождь* 'кратковременный ливневый дождь', том. *окла́денек* 'длительный, затяжной дождь, при котором небо сплошь покрыто тучами' и др.). Занимая срединное положение в таксономической классификации наименований осадков, метеоним *дождь* во-